

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра английского языкознания**

ГАРБУЗ
Юлия Анатольевна

**ЗНАЧЕНИЕ ЭМОТИВОВ
В АНГЛИЙСКОМ ВЕРБАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ
ПОВЕДЕНИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА**

Дипломная работа

Научный руководитель:
Кулиева Ольга Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент

Допущена к защите
«__» _____ 2018 г.
Зав. кафедрой английского языкознания
доктор педагогических наук,
профессор Н.Н. Нижнева

Минск, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1 ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАРОДА.....	7
1.1 Феномен коммуникативного поведения в лингвистике	7
1.2 Эмоциональность как неотъемлемая характеристика коммуникативного портрета народа	11
1.3 Национально-культурная специфика речевого выражения эмоций.....	15
1.4 Эмоциональные составляющие коммуникативного поведения англичан...	20
Выводы по 1 главе.....	25
2.1 Языковые средства выражения эмоций в английском языке (на материале сериала «Корона»).....	28
2.2 Способы перевода эмотивных лексем в сериале «Корона».	32
2.3 Частотный анализ использования эмотивных единиц разных видов в сериале «Корона».	37
Выводы по 2 главе.....	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	47

ВВЕДЕНИЕ

В отношениях людей и, в частности, в коммуникации, большую роль играют эмоции, которые являются неотъемлемым компонентом разума, мышления, языкового сознания и поведения в экономике, политике, культуре, образовании, быту и т. д. Все больше эмоции выходят в общении на первый план, а люди ищут новые средства их выражения. Эмоции всегда воздействуют на любое наше высказывание. Они влияют на выбор слов и интонацию, на коннотацию, придаваемую определенным словам, и на синтаксическое построение высказывания. Л. Г. Бабенко пишет: «Эмоции пронизывают жизнь человека, сопутствуют любой деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [2, с. 134].

Эмоциональные состояния стали объектом внимания учёных ещё в древности. Алкмеон, Демокрит, Платон, Сократ упоминали в своих трудах о «состояниях души» человека под влиянием внутренних и внешних факторов. Аристотель подчеркивал их связь с «характеристиками телесного субстрата», «выделял их в самостоятельную психологическую категорию». Ученые позднего средневековья и эпохи Возрождения указывают на связь психических состояний с внутренними органами и внешними проявлениями (жестами, позой, мимикой, поведением).

Несмотря на то, что каждый думает, будто понимает, что такое эмоции, мало кто может объяснить это, дать им определение [52, с. 186–205]. Даже теоретики расходятся в своих мнениях во многих аспектах изучения эмоций: что они собой представляют, как влияют на человека, чем выражаются и как отражаются в нашем теле, в нашем мозгу и даже культуре. К примеру, П. Экман представляет эмоции как биологические функции тела, которые помогают нам справляться с окружающей средой [52, с. 13]. Представитель бихевиористской теории в психологии Джон Уотсон считал, что эмоции нельзя исследовать научно [51, с. 230]. Е. Даффи наоборот, полагал, что этот термин удобен для обозначения некоторых специфических форм изменения поведения, что он мешает изучению поведения, а потому не должен быть в употреблении [51, с. 88].

Наибольшее раскрытие человеческие эмоции находят в процессе общения. В диалоге человек бессознательно пытается «прочитать» собеседника, догадаться, о чем тот думает, что чувствует, оценивает поведение, жесты, интонацию, выбор слов. Мы так же, как и наш собеседник, воплощая определенное намерение, занимаемся выбором языковых средств и невербальных сигналов для достижения

поставленных целей. Таким образом, изучение эмоций становится полезным не только для того, чтобы понять других, но и для осознанного выбора коммуникативных стратегий общения.

С появлением когнитивной лингвистики возрос интерес ученых к исследованию эмоциональных концептов. По мнению многих исследователей, в изучение выражения эмоций следует включить, кроме анализа самих слов, называющих эмоции, также анализ их вербального и невербального выражения. В связи с этим по-прежнему остается необходимость в более детальном изучении выражения эмоций через слова.

Проблемами эмоциональности в лингвистике занимались в свое время исследователи волгоградской школы исследования эмоций, в частности, доктор наук, профессор В. И. Шаховский, который посвятил этому большую часть жизни. Среди них можно отметить следующие: сложный характер эмоционального содержания смешанных психологических состояний (А. Штеба), номинативные особенности, отражающие нюансы эмотивной семантики и способы ее фиксации в различных языках (Ж. Кургузенкова, Н. Дмитриева), эмотивные компоненты таких единиц языка и текстов, которые традиционно считаются безэмоциональными – в терминологии (С. Маджаева, В.Хлебутина, О. Максименко).

Английский язык, являющийся одним из самых распространенных в мире, подлежит тщательному изучению в этом ключе. В частности, словесное выражение эмоций подлинных носителей языка – англичан. Подходящим материалом для исследования станет сериал «Корона» (2016-2017), повествующий о правлении королевы Елизаветы II.

Актуальность данного исследования обусловлена расширением существующих знаний об особенностях выражения эмоций у разных наций, о характерных проявлениях эмоциональных состояний у нации, которая считается самой закрытой и холодной из всех. Сфера влияния английского языка охватывает весь мир, а потому правильная интерпретация и перевод выражений, используемых носителями, является частью успешного коммуникативного акта с англичанином.

Объект исследования – эмотивные единицы в вербальном коммуникативном поведении англичан.

Предмет исследования – языковые особенности выражения эмоций англичан и способы их перевода.

Целью данной работы является выявление и описание основных способов вербального выражения эмоций англичанами для предотвращения непонимания в общении с ними.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать понятие «коммуникативное поведение».
2. Установить связь между эмоциональностью и национальными особенностями коммуникативного поведения.
3. Выявить национально-культурные особенности вербализации эмоций в английском языке.
4. Выделить и конкретизировать способы словесного выражения эмоций англичанами.
5. Обозначить способы перевода эмотивных единиц английского языка.
6. Выявить наиболее частотные из выражаемых англичанами эмоций.

Для решения поставленных задач в работе используются следующие **методы** и приемы анализа: наблюдение, метод сплошной выборки, методы лексического, синтаксического, интерпретационного и стилистического анализа, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Материалом для исследования послужили транскрипты первого и второго сезонов сериала «Корона» (2016-2017). Для исследования с английского языка было переведено и проанализировано 11 765 реплик, разделенных на субтитры. 8658 из них (73.59%) содержали эмотивы или слова, подразумевающие эмоциональное отношение говорящего к ситуации.

Методологической основой исследования являются работы в области: межкультурной коммуникации (И.Е. Бобрышева, А. Вежбицкая, Т.В. Ларина, Н.Б. Мечковская, Е.С. Кубрякова), коммуникативного поведения (С.А. Шабанова, И.А. Стернин, М.А. Стернина), эмоциональности в системе языка (В.И. Шаховский, В. И. Жельвис, Дж. Бриггс, А. Эллиот), теории перевода (Д.И. Ермолович, С. В. Тюленев).

Научная новизна работы заключается в анализе вербальных средств выражения эмоций в английском языке и их переводе на русский на материале аутентичного сценария произведения, отражающего характерный быт высшего класса англичан 1950-70-ых годов.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении роли эмоций в повседневной жизни англичан. Работа вносит вклад в теорию межкультурной коммуникации в аспекте коммуникативного поведения англичан, значения эмоций в коммуникативном акте, а также в теорию перевода слов с эмоциональной окраской.

Практическая значимость дипломной работы заключается в возможности использования результатов исследования при подготовке лекционных и практических занятий в курсах теории межкультурной коммуникации, лексикологии, стилистики английского языка, лингвострановедения, лингвокультурологии, социолингвистики, этнолингвистики, переводоведения.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы из 53 источников. Во введении раскрываются актуальность, цель, задачи работы, определяются объект и предмет, а также методы и новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы. В первой главе рассматриваются такие понятия, как коммуникативное поведение и эмотив в контексте английской культуры. Вторая глава посвящена анализу использованной эмотивной лексики в сериале «Корона» и особенностям ее перевода. Заключение содержит основные выводы работы. Полный объем работы – 50 страниц.

ГЛАВА 1 ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАРОДА

1.1 Феномен коммуникативного поведения в лингвистике

Коммуникация – неотъемлемый аспект жизни человека. Теория коммуникации была разработана намного позже, чем люди начали общаться, но уже тогда было ясно, что каждый из них делает это по-своему, соблюдая определенные правила и традиции.

Существует множество самых разных определений коммуникации, но абсолютное большинство из них сходится на том, что коммуникация – процесс обмена информацией, регулируемый определенными нормами. Соответственно, коммуникативным поведением можно назвать поведение индивида во время коммуникативного акта. Впервые этот термин в его настоящем значении использовал в своей работе И. А. Стернин в 1989 году, определив коммуникативное поведение, как «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности» [39, с. 279-282].

Для того, чтобы перейти к рассмотрению коммуникативного поведения, необходимо обозначить понятие «коммуникативная личность». Теория коммуникации пользуется узким пониманием этой категории. Здесь этим понятием обозначается одна из форм проявления личности, связанная с качеством выполнения ею функций субъекта коммуникативного взаимодействия. Таким образом, под коммуникативной личностью (в узком смысле) будем понимать устойчивую систему социальнозначимых свойств и качеств, характеризующих индивида как субъекта социальной коммуникации (коммуникативного автора) [31, с. 200].

С общепсихологической точки зрения под коммуникативной личностью понимается некоторое ядро, интегрирующее начало, которое связывает воедино различные психические процессы, детерминирующие практики общения индивида, и придает его коммуникативному поведению определенную последовательность, воспроизводимость и устойчивость. Именно такая узкая трактовка коммуникативной личности используется в теории коммуникации. Коммуникативная личность здесь понимается как форма функционирования личности в коммуникативном процессе, форма ее реализации через выполнение социальных ролей источника и/или получателя сообщений.

В онтологическом плане узкое понимание коммуникативной личности может трактоваться следующим образом. В каждый конкретный момент времени личность может функционировать в различных социальных ролях, может реализовываться через различные поведенческие формы. Когда эти поведенческие формы обретают вид коммуникативного действия, имеет место существование коммуникативной личности. Если индивид реализует сложную социальную практику, содержащую как коммуникативный, так и некоммуникативный компоненты, то, применяя к его описанию категорию коммуникативной личности, мы абстрагируемся от всех его социальных ролей, не связанных с коммуникацией. Коммуникативная личность («homo communicatus») — это одновременно «человек, общавшийся в прошлом» — субъект и продукт предшествующей коммуникации, «человек, общающийся реально» — в настоящем, и «человек, общающийся потенциально» — готовый к общению в будущем. В любой коммуникативной личности всегда присутствуют и неразрывно увязаны все эти три временных среза — прошлая, настоящая и будущая/потенциальная коммуникация [31, с. 201-204].

Коммуникативная личность реализуется в коммуникативном поведении, которое представляет собой осмысленную последовательность коммуникативных действий субъекта в качестве как источника, так и получателя сообщений.

С другой стороны, коммуникативное поведение — это сложная форма социальной активности субъекта, направленная на достижение его цели посредством коммуникации с другими субъектами. Коммуникативное поведение представляет собой единственную реальную форму бытия коммуникативной личности. Коммуникативная личность как вещь в себе, как система, замкнутая сама на себя, невозможна. Именно коммуникативное поведение и дает характеристику коммуникативной личности. Но характеристику неполную и непрямую. Следует понимать, что коммуникативное поведение личности является функцией не только ее внутреннего коммуникативного потенциала, но также и ситуации общения и поведения ее партнеров по коммуникации. Коммуникативное поведение может быть явным и латентным, прямо наблюдаемым и выявляемым лишь косвенными способами. Поэтому для оценки коммуникативной личности недостаточно только фиксации ее коммуникативных практик. Необходимы также специальные процедуры, входящие в эмпирический арсенал психологии и социологии [31, с. 205].

Коммуникативное поведение можно охарактеризовать как *нормативное* или *ненормативное* согласно его соответствию общекультурным, групповым, ситуативным и индивидуальным нормам.

Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в основном отражают общепринятые нормы поведения и этикета, используемые определенным народом. К ним прибегают в самых простых ситуациях все люди, вне зависимости от возраста, влияния, социального статуса или места работы. Это такие ситуации-ритуалы, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование и др. Это стандартный набор самых часто происходящих коммуникативных ситуаций [37, с. 16].

Общекультурным нормам присуща национальная специфика. И.А. Стернин в своей книге «Русские: коммуникативное поведение» приводит примеры: «У немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских – нет. Благодарность за услугу обязательна у русских, но не нужна в китайском общении, если собеседник – ваш друг или родственник» [37, с. 16]. На такие расхождения влияют условия развития культур и несоответствие картин мира.

Ситуативные нормы действуют в случаях определенных экстралингвистических ситуаций. В зависимости от статуса собеседников можно выделить две стратегии коммуникативного поведения – *вертикальную* (вышестоящий – нижестоящий) и *горизонтальную* (равный – равный). В вертикальном коммуникативном поведении можно разграничить нисходящее (сверху вниз) и восходящее (снизу вверх). И.А. Стернин приводит в пример слугу Ермолая из произведения И.С.Тургенева «Ермолай и мельничиха»: – Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович: видите, картофель испекся. – А пусть дрыхнет, – равнодушно заметил мой верный слуга, – набегался, так и спит. Я заворочался на сене. Ермолай встал и подошел ко мне. – Картофель готов-с, извольте кушать [37, с. 17]. При общении на равных с мельничихой Ермолай показывает пренебрежительное отношение к хозяину, использует просторечное «дрыхнет», но его поведение меняется, как только он заговаривает с хозяином, на почтительный тон «извольте кушать».

Ситуативные нормы, по словам И.А. Стернина, также обладают национальной спецификой. Примерами являются общение между мужчиной и женщиной в русской традиции, которое представляет собой горизонтальное, а в мусульманской – вертикальное; кроме этого у мусульман гораздо более вертикальны отношения старшего к младшему, чем у русских [37, с. 17].

Групповые нормы определяют способы коммуникации любой возрастной, профессиональной или гендерной группы. В зависимости от ситуации и принадлежности человека к определенной группе людей мы можем говорить о собственном стиле общения, характерном для любого представителя этих общностей. Таким образом, можно выделить такие стили коммуникативного поведения, как мужской, женский, детский, программистов, врачей, бизнесменов и др.

Индивидуальные нормы коммуникативного поведения – продукт личных устоев, опыта и норм человека. Они являются собственной интерпретацией общекультурных, ситуативных и групповых норм. Кроме этого, индивидуальная норма также включает все нарушения общекультурных, ситуативных и групповых норм, присущих коммуникативному поведению индивида.

Коммуникативное поведение выступает в реальной коммуникации в двух аспектах – вербальном и невербальном. Вербальный аспект выражают способы речевого сообщения информации, избранные человеком, невербальный включает в себя такие важные в беседе сигналы, как жесты, мимика, прикосновения, дистанция, позы и др. [37, с. 18]. Ошибочно полагать, что один из этих аспектов намного важнее другого: в процессе общения знаки, жесты, мимика и движение дополняют сказанное нами, а иногда и говорят гораздо больше. Как вербальные, так и невербальные знаки учитываются всеми участниками разговора и могут привести к межкультурным стычкам и непониманию на почве придания разного значения разных значений одним и тем же символам.

Поскольку целью данной работы является описание речевого поведения, то мы ограничимся только анализом вербального аспекта коммуникативного поведения англичан.

Подводя итог, мы можем отметить следующие положения:

- Под коммуникативным поведением понимают правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Коммуникативное поведение представляет собой единственную реальную форму бытия коммуникативной личности [31, с. 205].
- Коммуникативное поведение можно охарактеризовать как нормативное или ненормативное согласно его соответствию общекультурным, групповым, ситуативным и индивидуальным нормам.
- Коммуникативное поведение выступает в реальной коммуникации в двух аспектах – вербальном и невербальном. Вербальный аспект выражают способы речевого сообщения информации, избранные человеком, невербальный

включает в себя такие важные в беседе сигналы, как жесты, мимика, прикосновения, дистанция, позы и др.

1.2 Эмоциональность как неотъемлемая характеристика коммуникативного портрета народа

В научных исследованиях эмоций межкультурный аспект всегда играл немаловажную роль. Более 100 лет назад Чарльз Дарвин опубликовал свою работу «Выражение эмоций у людей и животных», основанную на информации, полученной от многих носителей разных культур. С тех пор сравнения выражения эмоций в разных культурах стали основой выделения общечеловеческих знаков, относящихся и к выражению, и к расшифровке эмоций.

Однако в последнее время гораздо больше внимания уделяется не сходству, а различию в выражении эмоций разных народов, культур и даже культурных групп. Большинство исследователей пришло к выводу, что язык играет ключевую роль в формировании эмоций. В доказательство можно провести исследование, проведенное с участием двух народов, – уроженцев племени Химба в Намибии и простых американцев. Группы людей попросили отсортировать по любым характеристикам фотографии нескольких людей, изображающих ключевые эмоции: гнев, отвращение, страх, радость, грусть, а также спокойствие. Англоговорящие люди отсортировали лица по эмоциям, создавая отдельную стопку для каждой новой. Африканцы же выделяли одну основную характеристику лица и создавали для нее категорию, складывая в одну стопку улыбающиеся, хмурые, злые или нейтральные лица [54].

На основе этих и других исследований можно заключить, что язык помогает приобрести и использовать концептуальные знания об эмоциях и культурных процессах, связанных с эмоциями, в контексте данного народа. Однако не только язык участвует в формировании концептуальных знаний об эмоциях, иначе народы, разговаривающие на одном языке, как, например, американцы и британцы, имели бы идентичные привычки и традиции выражения эмоций.

Другим важным аспектом является эмоциональная история народа. Особый тип эмоций может быть распространен из-за частотности условий, которые благоприятствуют этим эмоциям, и аналогичным образом, другие типы эмоций могут быть редки за неимением триггеров этих эмоций.

Условия жизни разных народов варьируются, поскольку различные культурные модели предоставляют различные виды событий [48]. Культуры, как

правило, способствуют созданию событий, которые вызывают культурно приемлемые эмоции, одновременно не способствуя или даже подавляя события, которые приводят к менее желательным эмоциям. Например, американцы поощряют радость – это самая приемлемая эмоция в американском культурном контексте – они создают ситуации, провоцирующие радость [50]. Они хвалят и вдохновляют друг друга, делают комплименты, дают награды и трофеи за достижения разных уровней, избегают критики или невнимательности и, в целом, способствуют позитивному и оптимистическому взгляду на себя [50].

Таким же образом культуры, которые не приветствуют гнев, такие как инуиты Утку, коренные малазийцы Чувонг, таитяне и японцы склонны сокращать внутригрупповые контексты, в которых уместен гнев [47]. В этих культурах расстроенные или разозленные члены группы никогда не высказывают своего отношения, избегая опыта «неправильных» эмоций.

Поощрение также различается в разных культурах в результате различий в личных целях, навязанных культурой. Индивидуалистические культуры, такие как США, уделяют особое внимание личности и отделению от других благодаря самодостаточности и стремлению к личным достижениям. Коллективистские культуры, такие как японская, подчеркивают социальные обязательства и обязанности в составе семьи или группы для поддержания межличностных отношений и внутренней гармонии [53].

События, которые поощряются и создаются культурой, различаются в соответствии с преобладающими культурными целями. Чаще всего в культуре США встречаются события, поддерживающие индивидуальные достижения, тогда как события, которые помогают людям быть скромными или самокритичными, было чаще встречаются в культурном контексте Японии. Например, в одном исследовании и американские, и японские респонденты признали ситуации, смоделированные американцами, поднимающими самооценку, и ситуации, смоделированные японцами, наталкивающими на самокритику, то есть, вызывающие негативные изменения в самооценке [57]. Таким образом, типы наиболее распространенных жизненных ситуаций у разных народов варьируются.

Культурные модели также могут влиять на то, какие аспекты предшествующих событий находятся в центре внимания. Например, существуют культурные различия в том, как люди сосредотачивают внимание либо на отрицательном, либо на положительном результате. Индивидуалистические культурные модели подчеркивают желательность позитивных исходов ситуации, тогда как коллективистские модели сосредоточены на предотвращении плохих

исходов [53]. Эти различия в фокусе также следуют из различных жизненных целей.

Также они выражаются в разности способов переживания и выражения эмоций разными народами. Исследователи обнаружили доказательства того, что фиксация на предотвращении неудачи способствует расслаблению или облегчению при достижении целей и тревожным ощущениям, когда цели не достигнуты. С другой стороны, сосредоточившись на положительном результате, человек получает чувство счастья, когда цели достигнуты, и чувство грусти при неудаче [56, с. 528]. В исследовании успеха и неудачи в межкультурном контексте было обнаружено, что индивидуалистская американская группа респондентов, в соответствии с выдвинутой гипотезой, выражала радость и грусть с большей интенсивностью, чем облегчение и тревогу. Напротив, коллективистская китайская группа, в соответствии с утверждениями, выражала облегчение и тревогу с большей интенсивностью, чем грусть или радость. Различные акценты на поощрении хорошего или предотвращении плохого порождали различия в значимости определенных событий и, следовательно, различия в распространенных типах эмоций этих народов [58, с. 1130].

Агрессия или интенсивное счастье может повсеместно подчеркнуть индивидуальность и собственные границы, но это поведение поощряется некоторыми культурными моделями и несовместимо с другими. Оценка определенных видов поведения, зависящая от культуры, может повлиять на их частоту возникновения.

В крупномасштабном исследовании с респондентами из Европы, Мексики и Японии выяснялись преобладающие эмоциональные реакции на три типа ситуаций соответствующих культурных моделей. Респондентами стали как мужчины, так и женщины, как взрослые, так и студенты колледжа [59]. *Handbook of cross-cultural psychology*, Vol. 2. Boston: Allyn and Bacon.). В интервью каждый респондент сообщил о различных эмоциональных ситуациях из своего прошлого, среди которых были ситуации «оскорбления» и «унижения». Респондентам было предложено сообщить о своих поведенческих результатах, которые включали фактическое поведение, а также поведенческие побуждения. Поведенческие результаты в каждой культуре можно понимать как примеры культурных моделей.

Наиболее распространенные поведенческие результаты в американской группе состояли из обвинения собеседника, агрессии и дистанцирования от отношений. Обвинение другого человека в данном случае – способ защиты самооценки, который исключает, что унижение или обида были заслужены. Агрессия служит индивидуальной выгоде, поскольку это попытка повлиять на

собеседника, дабы он сменил свое мнение на мнение говорящего. Отдаляясь от отношений с другим человеком, и, таким образом, прекращая контакт с лицом, которое несет потенциальные унижения и оскорбления, человек извлекает выгоду для себя. Таким образом, большинство американских респондентов сообщили о поведенческих результатах, которые служили образцом повышенной самооценки и обособленности.

Наиболее распространенным поведением у мексиканцев было обвинение собеседника и дистанцирование. Однако в этом случае обвинение преследует цель сохранения достоинства, которая эмпирически неотличима от реализации американской цели поддержания самооценки. Отступление и дистанцирование четко согласуются с другой особенностью мексиканской культурной модели, основанной на симпатии, доброжелательности и избегании открытых конфликтов [49].

Таким образом, преобладающие реакции как в американской, так и в мексиканской группе были сосредоточены на изменении отношений с другим лицом, которое отвечало за перенесенное оскорбление или унижение, но они делали это по разным причинам, что способствовало их соответствующим культурным моделям: американец переходит в открытую конфронтацию и старается повлиять на поведение собеседника, а мексиканец избегает выяснения отношений. Агрессивные ответы, частые для американской группы, были редки в мексиканском контексте. Это согласуется с мексиканским культурным принципом предотвращения открытой конфронтации.

Японская культурная модель подчеркивает сохранение отношений [55]. В центре внимания человека должен быть внутренний баланс и личный вклад в отношения с другими [51]. Наиболее распространенное поведение японских респондентов заключалось в обвинении себя, что противоположно поведению американцев и мексиканцев. Обвинение самого себя согласуется с принципом сохранения отношений. Следовательно, японцы пытались оправдать поведение другого человека и активно возвращать ситуацию в привычное русло. Они также стремились быть ближе к человеку, который их обидел или унижил. Наконец, когда их обижали, наиболее распространенной реакцией было никак не отвечать и не фокусироваться на собственных чувствах. Таким образом, японцы пытаются сохранить внутренний баланс, не влияя на другого человека или ситуацию.

При словесном выражении эмоций коллективистские культуры также связаны с более низким уровнем эмоционального раскрытия или вербализации, даже в контексте семьи. Некоторые исследования подтверждают, что азиатский коллективизм не поощряет распространение личной информации, а потому японец

раскроет вам гораздо меньше о себе, чем индивидуалист-американец. Японцы по сравнению с американцами, как правило, демонстрируют большее нежелание инициировать беседы с незнакомцами [51]. Высококонтекстная культура азиатов также подразумевает использование молчания как важной стратегии в беседе и избегание эмоционально окрашенных слов. «Говорливость» не приветствуется, и чаще всего используются косвенные речевые акты. Корейцы чаще сообщали, что ищут двусмысленность в сказанном, чем индивидуалистические (североамериканские) респонденты [50].

Коллективистские культуры используют косвенность как способ слиться с группой и обезличить собственные эмоции. С другой стороны, индивидуалистские культуры, подчеркивающие важность собственного я, используют свои слова и жесты напрямую.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов:

- На основе этих и других исследований можно заключить, что язык помогает приобрести и использовать концептуальные знания об эмоциях и культурных процессах, связанных с эмоциями, в контексте данного народа.
- Культуры, как правило, способствуют созданию событий, которые вызывают культурно приемлемые эмоции, одновременно не способствуя или даже подавляя события, которые приводят к менее желательным эмоциям. Поощряемые события также различаются в разных культурах в результате различий в личных целях, навязанных культурой. События, которые поощряются и создаются культурой, различаются в соответствии с преобладающими культурными целями.
- Культурные модели также могут влиять на то, какие аспекты предшествующих событий находятся в центре внимания. Например, существуют культурные различия в том, как люди сосредотачивают внимание либо на отрицательном, либо на положительном результате.

1.3 Национально-культурная специфика речевого выражения эмоций

С точки зрения семиотики, совокупность средств выражения эмоций в человеческом языке составляет эмотивный код языка [5, с. 20]. Эмотивная компетенция, в таком случае, означает умение правильно пользоваться и понимать код носителя не только родного субъекту языка, но и языка изучаемого. Неверное

же использование эмотивных знаков влечет неудачи в межкультурной коммуникации.

Естественно, что в языковой семантике существует и общечеловеческий культурный компонент: «Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразие культуры народа» [32, с. 39]. В видении мира разными народами все же существует единство общих положений. Потому универсальность картины мира проявляется и в естественной знаковой системе человека – в языке: «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... И каждый язык описывает вокруг своего народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [9, с. 301].

Эмоции, являясь одной из универсальностей человеческого поведения, не имеют одинаковой структуры в лексике разных языков, эмотивная лексика всегда несет национальную специфику. В связи с этим при переводе выделяются как универсальные эмотивные смыслы слов, так и лакуны и безэквивалентная лексика. Некоторые из общепринятых выражений, с помощью которых одни носители языка выражают свои эмоции, могут быть абсолютно непереводаемы на другой язык, у других абсолютно совпадает лексическая или семантическая структура – таким образом, можно говорить о национально-культурной специфике выражения эмоций.

Так как лакуны – это «несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» [21, с. 139], эмотивную лакуну можно определить как отсутствие в языке перевода адекватной единицы для передачи эмотивной нагрузки слова из языка оригинала. Эмотивными лакунами в переводе будут: эмотивно-экспрессивные формы обращения, прозвища, связанные с элементами национального фольклора, эпоса, героями национальной культуры, которые ассоциируются в сознании носителей языка с проявлением тех или иных качеств, свойств характера, внешности, а также идиомы. «Лакуны в самом общем смысле характеризуют специфику реалий, процессов, состояний, противоположных узуальному опыту носителя того или иного языка, культуры», – утверждает исследовательница И.Е. Бобрышева [4, с. 36].

Большое количество фразеологических единиц отражают специфические национальные черты. Например, в русском языке серый цвет ассоциируется с заурядностью и будничностью: фразеологизм «серые будни» несет в себе оттенок тоскливости, выражение «Такая серость!» описывает ограниченных ничем не примечательных людей; в Британии же серый цвет означает благородство, элегантность, присутствие вкуса, то есть означает прямо противоположное. К похожим интеркультурным лакунам можно отнести случаи несовпадения цветовой символики разных народов [5, с. 79]. Например, народы Экваториальной Африки не связывают добро с белым цветом, а зло с черным, как это принято у многих индоевропейских народов, а на востоке белый цвет, наоборот, ассоциируется со смертью, посему его упоминание часто имеет негативную коннотацию.

Л.С. Бархударов пишет: «... слова могут иметь одинаковые предметные, или «денотативные» значения, но различные эмоциональные, или оценочные («коннотативные») значения. Так, хотя английское *foe* означает тоже самое, что и русское *враг* (т.е. оба слова обозначают одно и то же явление реальной действительности, относятся к одному и тому же предмету), эмоционально-оценочное значение у этих слов неодинаково: английское *foe* имеет поэтический и архаический оттенок, в то время как русское *враг* по эмоциональной окраске нейтрально» [3, с. 197]. Другой пример, иллюстрирующий скорее обратное: слова, имеющие одно и то же денотативное значение, иногда различаются в коннотативном, а потому интересен сам феномен подбора слов собеседниками. В английском слова «kill» и «murder» имеют разные коннотации и даже лексическую сочетаемость, так как второе подразумевает то, что в русском называется убийством (и чаще всего создает сочетание «murder in cold blood», что значит «хладнокровно убить»), тогда как, несмотря на то, что мы переведем слово *kill* точно так же, носитель языка никогда не скажет «kill in cold blood», потому что имеет более нейтральную коннотацию.

Лакунами для английского языка будут русские обращения с уменьшительно-ласкательными суффиксами: Катенька, доченька, мамочка; в русском это будут слова *sweetheart*, *honey*.

Если говорить о явлении безэквивалентной лексики с точки зрения эмотивности, то тут можно выделить целую группу слов, которая имеет определенное глубинное значение для самой культуры, менталитета народа: важным понятием для англичан является концепт *privacy*, подробнее про который будет рассказано в следующей главе, но неслучайно именно он не имеет эквивалента в русском, как для англичан нет адекватного перевода слову *общение*.

В русских словарях дается перевод «уединение», «уединенность», однако он не в полной мере соответствует такому обширному понятию. Однокоренное слово «private» может передаваться на русском целой гаммой различных слов в зависимости от контекста [27, с. 68].

Словосочетание «private person» приблизительно можно перевести только как «человек, который любит одиночество и не говорит о своих мыслях и чувствах, хотя много времени проводит на виду». Если посмотреть на английское определение «one who likes being alone and does not talk much about their thoughts and feelings, although they spend a lot of time in the public eye», то кажется, что эквивалентными в русском языке могли бы стать прилагательные наподобие «замкнутый», «нелюдимый», однако они все имеют негативную коннотацию. Таким образом, чтобы сохранить нейтральность словосочетания, требуется переводить его описательно.

Замечательный пример слова «друг» иллюстрирует концепты близкого общения в английской и русской культуре. Тогда как носители русского языка с осторожностью подходят к вопросу выбора друзей, концепт называния человека другом уже содержит некое уважение и подразумевает определенную степень близости с названным человеком. Русский или белорус несколько раз подумает, прежде чем назвать человека другом, ведь для не самых близких отношений у нас есть слово «знакомый», в английской культуре принято называть человека «friend», даже если вы знакомы пять минут, так как оно определяется в словаре «someone you know and like, who is not a member of your family». То есть, английское слово «friend» скорее тождественно русскому «приятель», чем «друг», которому более подходит усиленное прилагательным словосочетание «close friend».

В корейском языке, например, в слове *chinkwu* (друг) присутствует сема возраста, которая ограничивает его использование. Под концепт дружбы в корейском подходят только люди одного возраста или младше, но не старший человек. Таким образом, мы видим различие в культурном восприятии носителями трех языков явления дружбы: в английском – определенная дистанцированность в отношениях между друзьями; в русском – близость и доверие; в корейском – уважение к старшим, которые не могут быть друзьями младшему.

При анализе англо-русских и русско-английских словарей можно обнаружить небольшое количество междометий в английском языке по сравнению с насыщенным междометиями русским; поэтому в английском языке одно

междометие может иметь несколько значений: *Heigh-ho!* – восклицание, выражающее удивление, радость, досаду.

Если сравнивать с англичанами американцев, то они гораздо более открыто выражают свои эмоции и различными междометиями, и восклицаниями, как пишет И. А. Стернин: «Американцы очень непосредственны в выражении своих эмоций. Эмоции скрывать не принято, положительные эмоции могут быть публично выражены крайне эмоциональными междометиями, визгом, криком... Примеряя одежду, можно услышать визг соседки по примерочной: «Oh, I like it!» [40, с. 74].

Использование широкого спектра уменьшительно-ласкательных суффиксов характерно не только для русскоязычных, но и для испаноязычных народов. Например, в разговорной речи испанцев можно насчитать более 10 видов таких суффиксов: *-ito, -illo, -ete (eta), -ico, -tico, -cito, -cillo, -cico, -zuelo, -chuelo, -in* и т. д. В некоторых странах Латинской Америки внуки используют при обращении к бабушке слово «*abuelita*», потому что обычное слово «*abuela*» (бабушка) кажется им недостаточно почтительным и не несет столько теплоты, тогда как и русским, и англичанам такое покажется излишеством. В речи испаноязычных народов часто отмечают излишнюю частоту употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов. Это свидетельствует о высокой эмоциональности и сентиментальности латиноамериканцев. В связи с этим некоторые лексические значения слов в испанском поменялись: *negrita* может обозначать не «негритяночка», а «дорогая», как и *flaquita* – не «худенькая», а «милая».

Подводя итог, можно сделать несколько выводов:

- В семантике каждого языка присутствуют как универсальные для многих культур компоненты, так и специфически национальные.
- Своеобразие проявления народом эмоций, выбор эмотивной лексики зависит от национальной картины мира, особенностей темперамента, менталитета, философского отношения к миру. Все эти проявления находят отражение в языке народа.
- Некоторые из общепринятых выражений, с помощью которых одни носители языка выражают свои эмоции, могут быть абсолютно непередаваемы на другой язык, у других абсолютно совпадает лексическая или семантическая структура. Для перевода такие выражения представляют особую сложность.
- Слова с одним и тем же значением могут градуироваться по степени выражения эмоций в одном языке, и переводиться на другой одним и тем же словом.

1.4 Эмоциональные составляющие коммуникативного поведения англичан

Для наиболее полного изучения речевых характеристик англичан требуется проявить определенное внимание к самому их национальному характеру, менталитету. Менталитет является специфическим способом восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной группы людей [40, с. 24], и, как уже было подтверждено выше, играет ключевую роль в коммуникативном поведении и в способах выражения эмоций отдельно взятым народом. Что касается национального английского менталитета, то описать его достаточно легко, поскольку он обладает высокой устойчивостью к изменениям, а потому в нынешнее время мало чем отличается от того, который можно было наблюдать несколько веков назад. Мы же займемся перечислением качеств английского менталитета и национального характера, которые, по нашему мнению, имеют наибольшее влияние на эмоциональность англичан и ее проявления в речи.

Отличительной чертой англичан можно назвать сдержанность, хладнокровность, о которой часто говорят их иностранные собеседники. Эта черта имеет самое прямое влияние на проявление эмоций. Умение сдерживать и контролировать свои эмоции считается неотъемлемой составляющей понятия Englishness («английскость»). То, что в английском обществе, где ценятся эмоциональная сдержанность и самоконтроль, открытое проявление эмоций осуждается, можно подтвердить лексически. Примечательно, что слова emotional (эмоциональный), effusive (экспансивный), demonstrative (несдержанный), excitable (легковозбудимый) имеют в английском языке отрицательные оттенки значения (Stop behaving so emotionally! / Her effusive welcome made us feel most uncomfortable), а под словом эмоциональность (emotionalism) понимается именно потеря контроля над эмоциями. Также для характеристики пьяного человека в английском языке существует идиома «tired and emotional», что в буквальном переводе означает «уставший и эмоциональный». В то же время прилагательное dispassionate (спокойный, хладнокровный, бесстрастный) оценивается положительно [5, с. 545]. Эта особенность англичан проявляется даже в словообразовательной структуре языка, в частности, в количестве уменьшительно-ласкательных суффиксов: -y (ie), -ling, -ette, -let, -ster. Фактически наиболее употребительным является лишь первый, но даже частотность его употребления не сравнится с частотностью употребления диминутивов в других языках. Сильно

ограничен также выбор ласковых обращений: *darling, honey, sweetie, dear, sweetheart, love*. То же самое происходит и с укороченными версиями имен, которых становится все меньше, а значение диминутивов у них стирается, поскольку они считаются просто удобными к произношению: «Отличительной особенностью английских личных имен является их относительная устойчивость в пределах функционального стиля... В английском языке за человеком закрепляется преимущественно одна какая-то форма, которая используется в подавляющем большинстве случаев» [9, с. 44]. Примечательно, что речь англичанина изобилует косвенными высказываниями (например, «Ваша информация не совсем точна, сэр!» вместо «Вы лжете!»), что способствует сокрытию истинных эмоций собеседника [30, с. 192].

Хотя концепт дружбы в англоговорящих странах, в том числе в Англии, сильно отличается от привычного нам, понять, что англичанин расслаблен в вашем присутствии, можно, если он употребляет рядом с вами бранные слова, которые, в отличие от называния вас другом, гораздо более красноречиво расскажут вам о его отношении. Каждый второй англичанин в расслабленной обстановке будет употреблять слова типа *hell, bloody hell, bastard, shit, fuck* и их производные, но вовсе не для того, чтобы кого-то оскорбить. Такая лексика является следствием эмоционального сближения, открытия себя собеседнику. Соответственно, их негативная коннотация постепенно стирается [40, с. 82].

Почти стерта эмоциональная коннотация у различных проявлений характерной англичанам вежливости. Этикетные формулы, выражающие положительное отношение говорящего, такие, как «*good to see you*», «*what a nice pleasure*», «*what a nice surprise*», «*fancy meeting you here*», давно потеряли свой эмоциональный окрас. Такие выражения теперь используются как коммуникативная стратегия сближения с собеседником. Кроме того, англичане говорят «спасибо» не только в ответ на оказанную услугу, но и во многих других коммуникативных ситуациях: пассажир говорит контролеру «*Thank you*» в ответ на его благодарность, когда тот возвращает проверенный билет, кассир скажет «*Thank you*», отвечая на благодарность за купюру, которую он разменял [40, с. 29].

Важным для английской культуры общения является такой вариант общения, как *small talk*, что в приблизительном переводе на русский язык обозначает «легкая светская беседа». Этот *small talk* чрезвычайно важен для англичан как способ поддержать социальный контакт. Такие беседы обычно ведутся за столом и имеют строго ограниченный набор тем, хотя и являются весьма поверхностными из-за стремления англичан не обсуждать собственные проблемы и не вступать в различные дискуссии на важные либо спорные темы.

Немецкий исследователь Крис Шнайдер обнаружил, что светская беседа подчиняется определенным правилам построения:

- Первая реплика обычно предполагает утвердительный ответ («Lovely weather, isn't it?»).
- Вторая реплика обычно содержит более информативный ответ, чем просто согласие («Yes, very mild for the time of year»), что является проявлением повышенной вежливости.
- Отличительной чертой светской беседы является обилие подтверждений («I see»), пустых фраз и междометий («Mmm», «Really?») и положительных оценок («That's nice») [52, с. 7].

Примечательно, что ни одна из перечисленных реплик не несет ярко выраженной эмоциональной окраски, так как является формой вежливости и потеряла эмотивную нагрузку.

Что касается обилия комплиментов в речи англичан, то этот коммуникативный акт чаще всего отвечает одной стратегии, а именно, проявлению внимания к собеседнику. В английской коммуникативной культуре первое место занимают комплименты внутренним моральным качествам человека [40, с. 69]. Данные речевые стереотипы выполняют прежде всего контактоустанавливающую функцию, и зачастую являются очередной формой вежливости.

А. Вежбицкая отмечает, что английская культура избегает резких, безоговорочных суждений. Частота употребления наречий *absolutely* (12), *utterly* (27), *perfectly* (31), а также *terribly* (18), *awfully* (10), *horribly* (12) значительно меньше, чем, допустим, в русской культуре в сходных ситуациях (частотность таких наречий в русском языке исчисляется сотнями) [5, с. 263].

Одна из отличительных особенностей английского языка – его краткость и лаконичность. Она помогает и с выражением эмотивности. Зачастую более краткие, емкие и гораздо более экспрессивные фразеологизмы и идиомы английского в контрасте с развернутыми, иногда громоздкими, но при этом детальными выражениями русского часто выигрывают за счет своего концентрированного смысла. Например, сравним фразеологизм «*come down*» с его русским переводом: «опомниться», «спуститься с небес на землю». В таком сравнении очевидна более выраженная эмоциональная окраска оригинала. Английской эмоциональной лаконичности служат также и неологизмы, которыми носители пользуются, к примеру, для сравнения с каким-либо человеком, часто героем фильма или книги, при этом придавая слову оценочный оттенок: *So I Nureyev'd the front steps* [46] – Затем я легко, как Нуриев, вспорхнул по ступеням

крыльца (Пер. И. Бернштейн). Английскому также характерен такой способ словосложения, как адъективизация словосочетаний (напр. pots-and-pans speech), который, как ни странно, тоже несет эмотивную нагрузку. Не стоит забывать и про фразовые глаголы, которые в неформальной речи служат не только синонимом к нейтральным выражениям, но и раскрашивают речь эмотивной оценкой: get over, hang on, take over и т. д.

Такое распространенное в английском явление, как эвфемизация, тоже может быть индикатором эмоций человека в разговоре. С каждым годом увеличивается сфера влияния политкорректности, которая предписывает эвфемизировать ряд слов, отнесенных общественным мнением к неpolitкорректным, например, заменять invalid на disabled, rude на tact avoiding, handicapped на people with special needs, blind на visually impaired. В последние годы проявляется тенденция «обезличивать» названия некоторых профессий, содержащих в себе слово «man», дабы не проявлять неуважение к женщинам-представительницам этих профессий (chairman – chairperson, salesman – salesperson, craftsman – craftsperson). Однако, даже если воспитанный человек проявляет крайнюю форму гнева, он мало заботится об использовании эвфемизмов, а потому использование оскорбительных для некоторых групп людей слов тоже может нести эмотивную нагрузку.

Тем не менее, уже упомянутый концепт «privacy» вместе с этим сохраняется, в речи он чаще всего проявляется ограничением таких речевых актов, как замечания, критика, угроза, и сводит их к минимуму [40, с. 83] – проявления презрения или недовольства редко имеют место в английской беседе.

Подводя итог, можно утвердить следующее:

- Определенные аспекты коммуникативного поведения англичан влияют на выражение эмотивных единиц в речи: среди них вежливость, сдержанность, стремление к краткости и лаконичности, концепт «privacy», эвфемизация, избегание резких выражений, светская беседа.
- За счет формул вежливости многие из выражений, которые изначально несли эмотивную нагрузку, потеряли особую коннотацию.
- Особая структура языковых единиц позволяет англичанам выражать эмоции более кратко и лаконично.
- Compliment зачастую является лишь проявлением коммуникативной стратегии по установлению контакта с собеседником.
- Употребление бранных слов является индикатором расслабленности англичанина в компании. Вместе с тем употребление неpolitкорректных слов чаще всего происходит в ситуациях выражения гнева и недовольства.

- Многие слова, обозначающие эмоциональность, несут негативную коннотацию.

Выводы по 1 главе

Проведенный в настоящей главе анализ материала позволяет нам сделать следующие выводы:

1) Под коммуникативным поведением понимают правила и традиции общения в той или иной лингвокультурной общности. С другой стороны, коммуникативное поведение – это сложная форма социальной активности субъекта, направленная на достижение его цели посредством коммуникации с другими субъектами. Коммуникативное поведение представляет собой единственную реальную форму бытия коммуникативной личности [31, с. 139].

Коммуникативное поведение можно охарактеризовать как нормативное или ненормативное согласно его соответствию общекультурным, групповым, ситуативным и индивидуальным нормам.

Коммуникативное поведение выступает в реальной коммуникации в двух аспектах – вербальном и невербальном. Вербальный аспект выражают способы речевого сообщения информации, избранные человеком, невербальный включает в себя такие важные в беседе сигналы, как жесты, мимика, прикосновения, дистанция, позы и др.

2) Коммуникативное поведение народа является одним из важнейших компонентов национальной культуры. Оно, как правило, имеет ярко выраженную национальную окраску.

3) Язык помогает приобрести и использовать концептуальные знания об эмоциях и культурных процессах, связанных с эмоциями в контексте данного народа. Другим важным аспектом является эмоциональная история народа. Особый тип эмоций может быть распространен из-за частотности условий, которые благоприятствуют этим эмоциям, и аналогичным образом, другие типы эмоций могут быть редки за неимением триггеров этих эмоций.

4) Национально-культурные особенности коммуникативного поведения включают такие понятия, как менталитет и национальный характер. Менталитет понимается как категория, отражающая внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа [31, с. 168]. Под национальным характером понимаются некоторые стереотипы поведения, надличностные установки и особенности национального воспитания, присущие определенному народу. При этом менталитет несет перцептивную функцию, может быть соотнесен с мировоззрением, а характер связан, прежде всего, с манерами, наиболее частыми проявлениями определенного поведения, в том числе и речевого. Оба этих явления тесно взаимодействуют с языком, что отражается не

только в лексике, но и в синтаксических структурах, интонации и других его аспектах.

5) Существует множество стереотипов, связанных с национальным характером и менталитетом англичан и британцев в общем, и некоторые из них не только правдивы, но и могут влиять на их коммуникативные обычаи и характеристики. К наиболее распространенным из них относятся: консерватизм, вежливость, патриотизм, сдержанность, вежливость и доброжелательность, аристократичность, уважение к личной сфере, своеобразное чувство юмора. Некоторые из них так сильно повлияли на речевые характеристики британского народа, что оставили большой след в строении английского языка.

Как пример, консервативность англичан можно подтвердить множеством вещей: их приверженностью короне, левосторонним движением и запретом на замену окон в старых домах, а также отдельные краны с горячей и холодной водой, вместо которых было бы гораздо целесообразнее установить один смеситель. Английские университеты славятся серьезностью отношения к поддержанию ритуалов, возникших, например, в XVI или XVII веках [21, с. 102].

6) Вежливость англичан выражается в бесконечном употреблении слов-извинений, которые звучат на улице гораздо чаще, чем в славянских странах, частых комплиментах, уважении личного пространства и связанных с ним вещей. Сдержанностью можно назвать как немногословность, так и скудное проявление эмоций англичан, и излишне уважительные косвенные конструкции в языке. Важным явлением в жизни англичан является концепт «privacy», в который входит уважение к личной сфере собеседника. Отсюда берут начало табуированные в Англии темы для разговора: доходы, личная жизнь. Кроме того, некорректным считается делать замечания и критиковать человека в присутствии большого количества людей, либо каким-либо образом вмешиваться в разговор или обращаться к незнакомцу на улице за исключением просьбы о помощи. Английский язык стремительно развивается, разговорная речь демократизируется и избавляется от социально неприемлемых выражений с целью быть более политкорректным.

Изучение коммуникативного поведения народа, его разговорных обычаев и культурных норм существенно улучшает понимание языковых явлений и снижает шанс быть непонятым в ходе беседы с представителем лингвокультурной общности. Сознавая наши отличия в разных сферах жизни, мы можем добиться наиболее комфортных условий общения с иностранцами, а потому изучению коммуникативных обычаев должно уделяться как можно больше времени.

ГЛАВА 2 ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЕДИНИЦ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

2.1 Языковые средства выражения эмоций в английском языке (на материале сериала «Корона»)

Как уже было упомянуто ранее, в эмотиологии принято различие языковых единиц, объективирующих эмоции, посредством:

- обозначения или названия – все лексемы, называющие эмоциональные концепты, имея в виду их эмотивный потенциал (сленг, аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию);
- различных видов дескрипции – языковые средства, описывающие внешнее проявление эмоции или качества;
- выражения в речи – лексемы и фразеологизмы, описывающие различные сопутствующие ощущения и проявления эмоций.

В данной главе мы рассмотрим употребление лексических единиц этих групп в речи на примере диалогов из сериала «Корона».

Стоит отметить, что эмотивный компонент высказывания – это не единичная языковая единица (слово), что вызывает определенные трудности с классификацией некоторых примеров.

• **Обозначения и названия (сленг, аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию).**

К ним относятся междометия и восклицания, используемые в самых разных ситуациях. Так, например, весьма эмоциональна речь принца Филиппа по отношению к иностранному вождю: «*Oh, gosh, look, I've got that one, and that one, actually. Oh, Christ, I've got that one too. Look!*». Высказывание изобилует повторами и восклицаниями. Примечательно, что в речи англичан часто используются восклицания, упоминающие Бога или Иисуса Христа, ими особенно полна речь Филиппа: «*My God*», «*Goodness*», «*Good God*», «*Christ*», «*God help us*». Среди других междометий можно отметить старомодное слово «*Blimey*», которое используется в непринужденной обстановке.

Для усиления впечатления часто используется старомодное «*jolly*» в значении *very*: «*It would've to be jolly important to distract me from getting my wings faster than anyone in British aviation history*», «*you did that jolly well*». Также, к примеру, для тех же целей король Георг прибегает к истинно британскому слову *indeed*: «*A very sacred promise indeed*». Часто слова-усилители употребляются в самых различных ситуациях, от вежливости до выражения скучности происходящего или страха, такие слова, как *very*, *deeply*, *exactly* и пр.: «*My husband and I are deeply touched by our welcome here*», «*Are those for me? Thank you very much*» (вежливость), «*How was it done last time? Then let's do it exactly the same way*

again» (скука), «*Shouldn't we get her started now? The ground seems terribly close*» (страх), «*I am furiously mad that you aren't here with me as you ought by right to be*» (ярость). В целом, частотность усилительных слов с положительным значением выше, чем тех же с отрицательным: «*That was wonderful*» – говорит Филлип после полета на самолете, однако король Георг использует эмоционально окрашенное «*murder*» вместо привычных нейтральных синонимов, чтобы ярче указать на причастность своего брата к его несчастной судьбе: «*That person was murdered by his elder brother... when he abdicated*».

В целом, эмотивные интенции англичанина достаточно трудно распознать и разгадать за словами с размытым, неточным, приуменьшенным значением и осложненными конструкциями, призванными отвлечь внимание от эмотивного компонента. Так, вместо сильного «*want*» Елизавета предпочитает говорить своему мужу «*I'd like*», хотя у первого слова нет негативной коннотации: «*I'd like you to come aboard my Coronation Committee*», «*I was just thinking how I'd like us to spend more time together*». Следует обратить пристальное внимание на построение второго высказывания – первые пять слов не несут важного значения, однако множество высказываний Елизаветы построены именно таким образом, что выражает ее неуверенность в себе. «*Would*» часто используется как смягчающее слово: «*I'd be interested to hear the PM's views regarding the chances for recovery*», «*Albert Windsor would dearly love to say to his old friend, Winston Churchill...*». Речь Филлипа также построена таким образом, но скорее для того, чтобы сгладить острые углы и проявить почтение: «*Whether it was right in this day and age that the Queen's consort, her husband, should kneel to her rather than stand beside her*», «*I beg you make an exception for me*». Косвенность его высказывания в данном случае – истинно английская черта. Косвенные речевые акты употребляются каждым персонажем в любом разговоре. Решительные, прямые приказы и уверенные констатации характерны только для Черчилля: «*You must act, Anthony! This is your time. The country needs a younger, more dynamic man*».

Та же Венеция мастерски использует завуалированный язык, чтобы оскорбить современных ей мужчин: «*Oh, you mean going to the Lamb and Flag with you, sitting at the bar, twinkling our ankles at every unremarkable young man in the room. Then letting those men buy us drinks for us to bring them home, only to have their unremarkability confirmed to us again?*». Саркастическим коммуникативным актом можно назвать и диалог Елизаветы с Филлипом, который использует эмотивно-окрашенное слово в его противоположном значении: «*Oh, in the same flattering way you asked me to redecorate Clarence House?*».

Классические ласковые обращения представлены лишь одним *darling*: «*A few hours a week, darling*», которое расширяется в письмах Эдуарда до «*My dearest, darling one...*», «*my sweetheart*», а теплое, хоть и нейтральное «*love*» заменяется на «*adore*».

Ярко раскрашивают речь персонажей достаточно редкие бранные слова: «*I felt like a sissy. Fussing about curtain fabrics and paint charts*» – примечательно, что в данном высказывании в речи Филиппа звучат свистящие звуки, что однозначно указывает на раздражение. Кроме этого, он использует прилагательное *bloody* как околоругательное слово: «*When I got married, my in-laws made me marshal of the Royal Air Force, as a result, I'm the most senior airman in the country and I can't bloody well fly*». «*Shall we fuck?*» – спрашивает Эдуард у Уоллес Симпсон, при этом снова используя косвенную конструкцию, однако выражая свою близость.

- **Различные виды дескрипции (языковые средства, описывающие внешнее проявление эмоции или качества).**

Филипп, как и Черчилль, использует сравнение в своих шутках, будучи на Мальте: «*Why does everybody think, just because we're royal, we like fine dining? Don't they realize we're savages?*» В более традиционном виде его можно заметить в высказываниях королевы-матери: «*That one's like mercury. He'll slip through the tiniest crack*». Презрение и гнев в своих письмах выражает Эдуард, сравнивая свою семью с гиенами и используя достаточно резкие номинативы «*подлое, аморальное отребье*»: «*What a vile, tawdry rabble my relatives are and what a sad, desiccated bunch of hyenas most of them have become*». Гнев часто выражает и Филипп: «*What is the collective noun for a group of stuffy old Etonians? A herd? A pack? A school?*», «*It will feel like a eunuch, an amoeba, is kneeling before his wife*». Стоит отметить, что чаще всего такие сравнения делаются с животным миром. Одно из них находим в разговоре принца Филиппа с Питером Таунсендом в самолете: «*Isn't it wonderful?*» – «*Heaven*» – отвечает Филипп, сравнивая их полет с раем.

Другой пример типично английского преуменьшения – общение Черчилля с его помощницей Венецией:

«*Have they told you terrible things, your colleagues downstairs?*»

«*It is said... you can be difficult*».

«*I can be a monster. Did they say that?*»

«*Yes, sir*».

В данном случае мы видим вежливость обращения к начальству со стороны помощницы. Однако сам Черчилль использует дескриптивное выразительное средство – сравнение, описывая себя одним грубым словом.

В другой ситуации Эдуард использует олицетворение: «*The pusillanimity and vindictiveness knows no limits*». В целом, его речь эмоционально окрашена гораздо больше, чем у других персонажей, при этом он использует гораздо больший спектр эмотивных слов и выражений и чаще прибегает к контрастности и повторам. Например, написать, что он обожает свою жену, ему кажется недостаточным, и он добавляет «*more deeply than you will ever realize*». Драматичности добавляют его письму рефрены и размещение прилагательных по градации: «*Too cold London. Brutal London. Hellish London*».

Особое место среди дескриптивных языковых средств занимают неологизмы, которые из-за своей принадлежности определенному человеку, точно показывают его отношение к происходящему. Больше всего таких слов в речи у Филлипа, и они представляют особенную сложность для перевода: «*Anyway, what else am I supposed to do? Sit around and wait for you while you're Queening (королевничаешь)?*» Часто такие выражения могут быть даже устойчивыми, но все равно не используются нигде, кроме острова, и имеют пейоративную окраску: «*Oh, oh, I'm just Johnny Foreigner, again, who doesn't understand. Fine, fine*» (*Johnny Foreigner* – a person from a country other than those which make up the United Kingdom, Collins English Dictionary). К таким же словам можно отнести и прозвища, которыми Эдуард наделил своих родственников, выражающие презрение: «*I told Shirley Temple what I had my eye on*».

• **Выражения в речи (лексемы и фразеологизмы, описывающие различные сопутствующие ощущения и проявления эмоций).**

Английский язык славится своей лаконичностью и идиоматичностью. Самыми интересными являются для нас идиомы и фразовые глаголы, имеющие эмотивную окраску, которых, как оказалось, довольно много, но чаще всего они используются при неформальном общении, а также для эвфемизации и вуалирования резких слов. Например, идиома «*pop your clogs*» означает «умереть» и имеет легкий шуточный, пренебрежительный характер, как «отбросить коньки» в русском: «*No sooner does someone in the family pop their clogs...*». Елизавета, дабы не жаловаться, использует осторожную идиому «*He felt I had enough on my plate as it was*». Черчилль использует идиомы и фразовые глаголы, чтобы представить Елизавете ситуацию во всех ее красках и воздействовать на ее эмоции: «*With him gone, there is a great danger that Eisenhower will take it upon himself to run the show*».

Король Георг, несмотря на всю формальность его речи, очень просто относится к своему другу Уинстону Черчиллю, и говорит: «*Take a step back. Put your feet up. Let the younger generation have a go now*». Кроме неформальности,

такие выражения говорят о высокой степени доверия. Елизавета, напротив, пытается скрыть обидное для мужа слово за выражением «*go mad*» – оно имеет множество значений, однако в данном случае как можно ближе к оригиналу будет перевод «перегибать палку»: «*But don't go mad [about the coronation]*». Таким же образом она ведет себя и с сестрой: «*There's just been a slight wrinkle*» (небольшая загвоздка). Филлипп же эвфемизирует бранное слово: «*Nobody gives a fig about my happiness*», а также использует неформальные слова для простоты общения с Маргарет: «*I'm a little fed up with her myself, truth be told*», «*Chin up!*». Раскрашивается его речь и другой фразой: «*Don't dress betrayal up as a favor*», выдавая его обиду. Часто фразовые глаголы и идиомы используются как средства, без которых речь была бы слишком сухой: «*Either she puts her foot down and forbids the marriage... or she permits the marriage, setting a collision course with the Church of which she herself is the Head*».

Эвфемизируется и сам концепт существования эмоций, который, как мы помним, не слишком ценится у англичан, и потому изобретается идиома «*close to home*» – «нечто личное»: «...*But also something closer to home*».

Подводя итог, можно отметить следующее:

- Наибольшую численность имеет первая группа эмотивных языковых средств, которые лишь обозначают или называют испытанные эмоции.
- Высокую частотность имеют слова-усилители, если они относятся к словам с положительной эмоциональной окраской.
- Англичане склонны приуменьшать конкретные выражения своих эмоций.
- Чаще других используются сравнения, олицетворение, приемы градации и эвфемизации.
- Неформальность общения характеризуется наличием идиом, фразовых глаголов и бранных слов.
- Неологизмы играют важную роль в речи и яснее всего выражают эмоции говорящего.

2.2 Способы перевода эмотивных лексем в сериале «Корона»

Сегодня многими исследователями подтверждено, что эмоции занимают центральное место в нашей языковой картине мира – они не только создают язык, но и язык создает их. Исследованием эмоций занимаются и психологи, и философы, и лингвисты, и психолингвисты. В российской ветке языкознания

проблемой эмотивности занимается целая школа под руководством В. И. Шаховского. Проблема сопоставления выражения эмоций разных лингвокультур также имеет важное значение.

Равно как в лингвистике, в психологии и философии было большое количество попыток формирования классификации чувств, но ни одна из данных систематизаций не приобрела популярности и не применялась в качестве универсального инструмента с целью последующих исследований. Трудность формирования такой классификации заключается и в том, что зачастую одно и то же чувство отмечается различными словами, а то или другое языковое определение имеет возможность быть исключительно указанием уровня насыщенности чувства, ранее обладавшего собственным названием в языке (к примеру, радость-восторг-эйфория). Помимо этого, обширно известен тот факт, то что описание эмоций считается этноспецифичной и совершается по-разному в разных языковых культурах. Тут кроме того следует отметить длящуюся полемику в отношении универсальности/неуниверсальности эмоций. С огромной долей уверенности возможно отметить то, что универсальными считаются так называемые базовые чувства (психологические процессы, базирующиеся в восприятии общества человеком, к примеру, боязнь). Но имеются кроме того и социализированные (в иной терминологии – моральные либо эстетические) чувства, которые представляют собой культурно-обусловленный продукт [25, с. 36]. Равно как российские, так и иностранные приверженцы дискретной модели эмоциональной сферы человека называют разное количество базовых чувств – с двух вплоть до десяти, однако почти все без исключения они причисляют к их количеству страх, радость, гнев и печаль.

Для изучения способов вербализации эмоций в том или ином языке как нельзя лучше подходят ситуации, смоделированные сценарием фильмов или сериалов, неотъемлемой частью которых являются описания человеческих чувств и переживаний как на экране, так и в речи персонажей.

Трудность, неопределенность, диффузность и разнообразие чувственных концептов неминуемо отображается в их вербализации, отчего создание перевода такого жанра, как субтитры, становится одним из наиболее трудных, наиболее подвластных «потерям», типов переводческой работы. Кроме множества языковых факторов переводчику необходимо учитывать и тайминг реплик, и их органичность, и характер персонажа, и то, как текст будет выглядеть на экране, так что это в полной мере можно называть художественным переводом. Для данной дипломной работы был проведен полный перевод и создание субтитров

первого и второго сезонов сериала "Корона", дабы улучшить понимание переводных характеристик эмотивности.

По одной из дефиниций, художественный переход – это «тип уникального художественного творчества, в ходе которого писательское творение, существующее на одном языке, предельно подробно воссоздается на другом языке его образными средствами, становясь новым единством содержания и формы в обстоятельствах иного языка и иной этнокультуры, полноценным писательским творением интерпретационного искусства; художественный перевод обязан в высшей степени отвечать оригиналу по силе умственного и эмоционального влияния в читателя» [44, с. 28].

Одной из доминант перевода художественного слова считается предельно полное изложение психологических и эстетических данных средствами переводящего языка с целью формирования того же прагматического влияния на реципиента, которое проявляет первоначальный текст на читателя. Прагматическое влияние на получателя – это главная роль категории эмотивности.

Лексические ресурсы вербализации чувственной концептосферы могут представлять равно как основные, так и второстепенные и косвенные номинанты. Лексемы, называющие мир эмоций, с прагматико-семасиологической точки зрения могут группироваться в непосредственные *номинанты, дескрипции и экспликации* [33, с. 165]. Как правило, в нынешнем периоде развития языков из числа методов вербализации чувств выделяются вторичный и косвенный способы номинации (метафора, метонимия, функциональные переносы, имплицитность, эвфемизмы). Данный языковедческий феномен разъясняется распространенностью и продуктивностью отмеченных видов номинации в языках на их современном этапе формирования (бескрайность мира и смыслов и недостаточность прямых номинативных техник) [30].

Как показал анализ материала сценария сериала «Корона» на английском языке и анализ субтитрового перевода, произведенного в рамках дипломной работы, среди лексических средств вербализации эмоциональных состояний в сценарии преобладают обозначения и названия (они же сленг, аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию), что отличается от традиционного художественного текста (они богаты на описания мимики, жестикуляции, голоса или особенностей речи субъекта состояния). Это различие обусловлено тем, что сценарий не имеет авторских ремарок, позволяющих выражать эмоции персонажа другим образом, кроме вербального. Как и в речи обычных людей, в сценарии встречаются изредка бранные слова, несущие сильную эмоциональную окраску, и почти отсутствует метафоризация,

характерная для косноязычного художественного текста. Самое близкое к метафоре в речи персонажей – сравнения героев и эвфемизация, ярко выраженная в разговорах элиты, которая не может позволить себе такую роскошь, как прямое называние некоторых концептов жизни. Эвфемизмы и идиомы представляют основную сложность для переводчика, так как не всегда существует выражение, точно соответствующее указанному в тексте оригинала, которые было бы воспринято рецепиентом другого языка в той же эмоциональной тональности. Тонкое чувство языка крайне важно для переводчика на данном этапе.

При переводе эвфемизмов эмоций персонажей переводчик может использовать различные трансформации и их комбинации, включая частичную замену образа с сохранением эмоциональной коннотации (*No sooner does someone in the family pop their clogs...* – Как только кто-нибудь из семьи *отбросит коньки...*; *With him gone, there is a great danger that Eisenhower will take it upon himself to run the show.* – Если его не будет, то есть опасность, что Эйзенхауэр решит сам править балом; *Let the younger generation have a go now.* – Пусть в дело вступает молодое поколение; *But don't go mad [about the coronation].* – Но не перегибай палку; *There's just been a slight wrinkle.* – Произошла небольшая загвоздка; *Nobody gives a fig about my happiness.* – Всем плевать на мое счастье), а также прямое сообщение эвфемизированного концепта (*He felt I had enough on my plate as it was.* – Он посчитал, что у меня и без того достаточно хлопот; *People of no consequence.* – Совершенно пустые люди; *But you deserve to put your feet up.* – Но вы заслужили отдых; *But also something closer to home.* – Но и вещей более личных). Также есть редкие случаи полного совпадения эвфемизмов: *That turns sister against sister and splits the Royal house down the middle.* – Тогда сестра пойдет против сестры, и это расколет королевский дом пополам.

В данном переводе большинство эвфемизированных и метафоризированных эмоциональных концептов следует переводить, прежде всего, с сохранением коннотативного значения, что предполагает замену реалий и формы выражения данной информации с сохранением тональности и регистра речи. Это объясняется универсальностью многих метафорических концептов как механизма для образования эмоционально-оценочных номинаций, но разностью реалий, которые им сопутствуют. Часто происхождение эвфемизмов другого языка нам не понятно, так как мы не знакомы с языковой средой и культурой, которая обусловила возникновение данной идиомы или эвфемизма. Однако часто в разных языках одни и те же концепты эвфемизируются с помощью разных средств и имеют разную культурную историю.

В переводе встречаются и неологизмы, используемые персонажами, чтобы показать свои эмоции. Например: *Sit around and wait for you while you're Queenening?* – Сидеть здесь и ждать тебя, пока ты *королевничаешь*? В данном случае переводчиком использовалось образование подобной формы слова от уже существующего с использованием суффиксов, подразумевающих высокомерие говорящего.

Что касается бранных слов, то в ходе перевода было принято решение использовать менее яркие их варианты в русском языке, которые бы смотрелись более органично в целостном произведении. Это обусловлено меньшей резкостью английских выражений на фоне остального текста. Поэтому были произведены следующие трансформации: *I felt like a sissy.* – Я чувствовал себя девчонкой; *I'm the most senior airman in the country and I can't bloody well fly.* – Выходит, я самый старший по званию летчик в стране и, черт возьми, даже не умею летать; *Shall we fuck?* – Как насчет секса?

Дескриптивные методы выражения эмоций оказались самыми легкими для перевода, так как среди них процент совпадения коннотации в обоих языках оказался самым высоким: *Turning out in droves for an American zealot.* – Они превращаются в глупое стадо из-за американского *фанатика*. Однако не все эпитеты оказалось возможным перевести без потерь из-за проблем лексической сочетаемости: *And if anything, the Queen's dilemma at the heart of it all is only more acute.* – В данный момент перед королевой стоит *еще более сложный* выбор. В некоторых случаях приходилось снижать эмоциональность текста из-за культурных различий, которые характеризовали элиту в русском языке как людей, которым не позволено говорить в тоне, позволенном в английском: *You look very dashing.* – Ты выглядишь *очень привлекательно*.

Главной целью переводчика художественного произведения считается разработка текста, который оценивался бы читателем так, как первоначальный текст воспринимается его реципиентом. «Перевод призван гарантировать подобную опосредованную билингвистическую коммуникацию, которая согласно собственному потенциалу предельно приближалась бы к обыкновенной, одноязычной коммуникации» [28, с. 15]. Для переводчика субтитров эта задача усложняется отсутствием художественности как таковой: все метафоры, сравнения и формы художественного выражения мысли сводятся к минимуму, оставляя чистую речь персонажей, которая требует особого внимания, учета их социального и эмоционального статуса, эффекта кино, регистра речи и значительного количества нюансов форм выражения эмоций, реалий находящегося в них человека и прочего.

Подводя итог, можно отметить следующее:

- Художественный перевод отличается от перевода субтитров главным образом отсутствием троп и фигур авторской речи. В нем следует наибольшее внимание уделить характеру персонажа, его происхождению, социальному и эмоциональному статусу.
- Большинство дескриптивных эмотивов находит наиболее точный перевод в русском языке.
- Бранная лексика имеет намного более резкий характер в русском языке, поэтому правильной переводческой стратегией является снижение их экспрессии посредством использования околоругательных слов в русском языке, а также эвфемизации.
- Неологизмы переводятся посредством образования нового слова с помощью морфологических компонентов, которые несут ту же коннотацию или эмотивную окраску.
- Эвфемизмы и идиомы составляют наибольшую сложность для перевода речи, так как зачастую имеют разную культурную составляющую в разных языках. Поэтому для их перевода следует использовать приближенные по концептам выражения в языке перевода без сохранения формы.

2.3 Частотный анализ использования эмотивных единиц разных видов в сериале «Корона»

Основываясь в работе на том принципе, что эмоциональные данные составляют конкретную долю когнитивного содержания слова, можно утверждать, что категория эмотивности является когнитивной категорией, и анализировать её следует с позиций когнитивной лингвистики.

Когнитивное языкознание предполагает прогрессивный подход к исследованию ментальных пространств человека с помощью соотнесения языковых структур с когнитивными. Концепт считается одним из ключевых определений когнитивной лингвистики. Под концептом в нынешних языковедческих исследованиях подразумевается ментальное образование, отражающее предметы как предметного, так и идеального общества, являющееся единицей группового сознания, хранящееся в национальной памяти носителей языка, характеризующееся многомерностью, дискретностью значения (А. Вежбицкая, В. И. Карась, Д. С. Лихачев, С. Х. Ляпин, З. Д. Поповой, И. А. Стернин). Принимая концепт в качестве ключевого определения данного

перспективного направления, логичным кажется анализ средств реализации категории эмотивности с опорой на представление эмоционального концепта. В ряде исследований о вопросах эмотивности и концептологии (Ю. С. Степанов, Ю. Д. Апресян, В. И. Шаховский, Дж. Эйчисон, С. В. Ионова и др.) акцентируются концепты особенного типа - эмоциональные концепты, ядром которых считаются базисные чувства, образующие личные «концептуализированные» предметные области. Чувственные концепты развивают эмоциональное значение слова, которое хранит конкретные эмоциональные данные.

При анализе средств реализации категории эмотивности в сценарии сериала следует принимать во внимание, кроме всего прочего, специфику использованного материала. Он повествует о королевской семье, для которой характерны наиболее сильная языковая консервативность, а также языковые правила, характерные для высшего общества: процент косвенных речевых актов и эвфемизации будет наивысшим для этого слоя английского общества. Для данной дипломной работы был проведен лингвистический анализ 11 765 реплик, разделенных на субтитры. 8658 из них (73.59%) содержали эмотивы или слова, подразумевающие эмоциональное отношение говорящего к ситуации.

Среди собранного материала можно выделить несколько основных групп эмоций, которые характерны для персонажей: радость, грусть, злость, страх. Они собраны в таблице 1.

Таблица 1

Статистика эмотивов четырех основных групп и видов выражения

	Радость	Грусть	Злость	Страх
Обозначения или называния	1062	673	1004	678
Дескриптивы	721	496	915	540
Выражения в речи	892	625	650	402
Общее количество	2675	1794	2569	1620
Процентное соотношение	30.9 %	20.7 %	29.7 %	18.7 %

- обозначения или называния — все лексемы, называющие эмоциональные концепты, имея в виду их эмотивный потенциал (сленг, аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию);

- различные виды дескрипции – языковые средства, описывающие внешнее проявление эмоции или качества;
- выражения в речи – лексемы и фразеологизмы, описывающие различные сопутствующие ощущения и проявления эмоций.

Таким образом, проанализировав число значимых слов и частоту их использования в выборке, возможно сделать несколько заключений.

1. Частотность выражения радости англичанами гораздо выше, чем выражения отрицательных эмоций в других категориях. Это связано с консервативностью культуры и структурой высшего общества – даже несмотря на запрет яркой экспрессии в британской культуре все еще существует табуированность темы отрицательных чувств. При этом большая часть выражающих радость реплик, спокойные и вежливые – и в силу этого почти незаметны, так как слова теряют свою эмотивную нагрузку, становясь обыденной нормой этикета. Эти реплики включены в выборку для наилучшей репрезентации британского национального характера, для которого вежливость составляет одно из самых главных качеств. Тем не менее, по результатам исследования вежливые этикетные эмотивы радости составляют более 30% от выборки, еще 6% выражают сарказм. Таким образом, лишь 64% от выборки составляют «чистые» выражения радости.

2. Злость, ярость и презрение – самые частотные из проявленных в речи эмоций. При этом чаще всего проявляется пассивная агрессия, замаскированная сарказмом или с использованием дескриптивов (прилагательных в данном случае): количество дескриптивов приближается к количеству самой большой группы, обозначений и названий.

3. Для радости и грусти количество отдельных выражений в речи превышает количество дескриптивных методов выражения эмоций. Эти эмоции самые базовые, а потому чаще всего встречаются и имеют самый обширный словарь синонимов.

4. Страх или беспокойство как эмоции редко выражаются в речи самого испытывающего страх или беспокойство. Чаще всего он подразумевается в словах говорящего, не имея определенной формы выражения, через невербальные средства коммуникации или логичность высказывания в определенной ситуации. Когда страх выражается эксплицитно, то чаще всего это происходит из уст персонажа в разговоре о другом персонаже, описывая его состояние. Также глагол «бояться» – «to be afraid» часто используется в формах вежливости, которые утратили свою первоначальную эмоциональную окраску.

Выводы по 2 главе

Проведенный в настоящей главе анализ материала позволяет нам сделать следующие выводы:

1) В эмотиологии принято различие языковых единиц, объективирующих эмоции, посредством:

- обозначения или названия – это все лексемы, называющие эмоциональные концепты, имея в виду их эмотивный потенциал (сленг, аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию);
- различных видов дескрипции – языковых средств, описывающих внешнее проявление эмоции или качества;
- выражений в речи – лексем и фразеологизмов, описывающих различные сопутствующие ощущения и проявления эмоций.

2) В целом, эмотивные интенции англичанина достаточно трудно распознать и разгадать за словами с размытым, неточным, приуменьшенным значением и осложненными конструкциями, призванными отвлечь внимание от эмотивного компонента. Обозначения и названия являются самой многочисленной группой эмотивов, используемых в речи англичан. Они занимают $\approx 60\%$ от общей выборки всех эмотивных высказываний. Они же и самые зависимые от категории вежливости, имеющей особое значение для англичан. В ней самое большое количество выражений, потерявших свою эмотивную окраску и перешедших в категорию этикетных формул общения.

3) Вследствие отсутствия художественных ремарок автора эксплицитные приемы дескрипции эмоций представлены в меньшем количестве. Их частотность выше при выражении злости или страха. Большинство дескриптивных и назывательных эмотивов находит наиболее точный перевод в русском языке из всех трех категорий.

4) Эвфемизмы и идиомы составляют наибольшую сложность для перевода, так как зачастую имеют разную культурную составляющую в разных языках. Поэтому для их перевода следует использовать приближенные по концептам выражения в языке перевода, без сохранения формы.

5) В целом, специфика выражения англичанами эмоций выражается на языковом уровне посредством:

- отрицательной коннотации слов, обозначающих эмоциональность, и положительной коннотации слов, обозначающих сдержанность;
- стертости эмотивных окрасок у обязательных слов вежливости, комплиментов и благодарностей;

- небольшого выбора ласковых обращений и уменьшительно-ласкательных суффиксов;
- обилия косвенных речевых актов и преуменьшений в речи;
- употребления бранных слов в речи как знак сближения с собеседником;
- низкой частотности употребления полярных прилагательных и наречий;
- ограничения таких речевых актов, как замечания, критика, угроза;
- использования эвфемизмов и идиом для социально или исторически табуированных слов;
- частого использования фразовых глаголов, идиом и неологизмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя исследование, мы можем сделать несколько выводов по заданной теме:

1. Под коммуникативным поведением понимают правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. С другой стороны, коммуникативное поведение – это сложная форма социальной активности субъекта, направленная на достижение его цели посредством коммуникации с другими субъектами. Коммуникативное поведение представляет собой единственную реальную форму бытия коммуникативной личности [28, с. 205].

Коммуникативное поведение можно охарактеризовать как нормативное или ненормативное согласно его соответствию общекультурным, групповым, ситуативным и индивидуальным нормам.

Коммуникативное поведение выступает в реальной коммуникации в двух аспектах – вербальном и невербальном. Вербальный аспект выражают способы речевого сообщения информации, избранные человеком, невербальный включает в себя такие важные в беседе сигналы, как жесты, мимика, прикосновения, дистанция, позы и др.

2. В данный период все больший интерес уделяется исследованию эмоционального элемента межкультурного общения. При исследовании национально-культурных свойств коммуникации проблема формулирования эмоций считается одной из основных, так как эмотивное поведение представителей разных культур обладает собственной спецификой.

Эмоции являются мотивационной основой сознания и языкового поведения. Существует множество классификаций различных эмоций в психологии и лингвистике. Изучением эмоций в лингвистике занимается эмотиология. Когнитивные процессы рассматриваются эмотиологией в тесной связи с эмоциями, поскольку предполагается, что они взаимно влияют друг на друга: разум подвержен эмоциям, а эмоции, в свою очередь, управляют когнитивными процессами. Это значит, что человеческая эмоциональность на языковом уровне проявляется в использовании определенных слов, имеющих эмотивную окраску – компонент лексического значения, который выражает состояние и отношение говорящего к ситуации.

Эмотиология различает следующие речевые средства выражения эмоций:

- обозначения или названия – все лексемы, называющие эмоциональные концепты, имея в виду их эмотивный потенциал (сленг,

аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию);

- различные виды дескрипции – языковые средства, описывающие внешнее проявление эмоции;
- устойчивые выражения – лексемы и фразеологизмы, описывающие различные сопутствующие ощущения и проявления эмоций.

Абсолютное разделение всех лексем и выражений на эти три категории невозможно, так как чаще всего человек использует смешанные языковые средства. Однако каждому из них в большей или меньшей мере присуще хотя бы одно из них, а значит, есть возможность определить доминирующую категорию.

Нормы проявления эмоций в разных лингвокультурных сообществах сильно варьируются, однако существует и общечеловеческий компонент: «Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразие культуры народа» [32, с. 39]

3. Существует множество стереотипов, связанных с национальным характером и менталитетом англичан, и некоторые из них не только правдивы, но и могут влиять на их коммуникативные обычаи и эмоциональные проявления. К наиболее распространенным из них относятся: вежливость, сдержанность, уважение к личной сфере, особое отношение к дружеским отношениям, распространение политкорректности. Некоторые из них так сильно повлияли на речевые характеристики британского народа, что оставили большой след в строении английского языка и его лексической структуре. Однако английская манера коммуникации, для которой свойственна чувственная сдержанность (в британской культуре беспрепятственное выражение чувств никак не приветствуется, важными ценностями считается эмоциональная сдержанность и самодисциплина) в сфере фактической коммуникации является более экспрессивной. Кроме того, ее отличительными особенностями считаются: направленность в собеседника, гиперболизированная оценочность, эмотивность, выразительность, многословность, использование косвенных речевых актов. Большое количество этикетных формул и комплиментов больше не является выражением эмоций со стороны собеседника, так как у них стерта эмоциональная коннотация. Отдельной особенностью коммуникативных актов у англичан является косвенность высказываний, вуалирование смысла, от которого становится трудным выявление истинного смысла сказанного.

4. В целом, специфика выражения англичанами эмоций выражается на языковом уровне посредством:

- отрицательной коннотации слов, обозначающих эмоциональность, и положительной коннотации слов, обозначающих сдержанность;
- стертости эмотивных окрасок у обязательных слов вежливости, комплиментов и благодарностей;
- небольшого выбора ласковых обращений и уменьшительно-ласкательных суффиксов;
- обилия косвенных речевых актов и преуменьшений в речи;
- употребления бранных слов в речи как знак сближения с собеседником;
- низкой частотности употребления полярных прилагательных и наречий;
- ограничения таких речевых актов, как замечания, критика, угроза;
- использования эвфемизмов и идиом для социально или исторически табуированных слов;
- частого использования фразовых глаголов, идиом и неологизмов.

5. Как показал анализ материала сценария сериала «Корона» на английском языке и анализ субтитрового перевода, произведенного в рамках дипломной работы, среди лексических средств вербализации эмоциональных состояний в сценарии преобладают обозначения и названия (они же сленг, аффективы, слова с экспрессивной окраской или имеющие эмоциональную коннотацию), что отличается от традиционного художественного текста (они богаты на описания мимики, жестикуляции, голоса или особенностей речи субъекта состояния). Это различие обусловлено тем, что сценарий не имеет авторских ремарок, позволяющих выражать эмоции персонажа другим образом, кроме вербального. Как и в речи обычных людей, в сценарии встречаются изредка бранные слова, несущие сильную эмоциональную окраску, и почти отсутствует метафоризация, характерная для косноязычного художественного текста. Самое близкое к метафоре в речи персонажей – сравнения героев и эвфемизация, ярко выраженная в разговорах элиты, которая не может позволить себе такую роскошь, как прямое название некоторых концептов жизни. Эвфемизмы и идиомы представляют основную сложность для переводчика, так как не всегда существует выражение, точно соответствующее указанному в тексте оригинала, которые было бы воспринято реципиентом другого языка в той же эмоциональной тональности. Тонкое чувство языка крайне важно для переводчика на данном этапе.

При переводе эвфемизмов эмоций персонажей переводчик может использовать различные трансформации и их комбинации, включая частичную

замену образа с сохранением эмоциональной коннотации, а также прямое сообщение эвфемизированного концепта. Также есть редкие случаи полного совпадения эвфемизмов. В данном переводе большинство эвфемизированных и метафоризированных эмоциональных концептов следует переводить, прежде всего, с сохранением коннотативного значения, что предполагает замену реалий и формы выражения данной информации с сохранением тональности и регистра речи. Это объясняется универсальностью многих метафорических концептов как механизма для образования эмоционально-оценочных номинаций, но разностью реалий, которые им сопутствуют. Часто происхождение эвфемизмов другого языка нам не понятно, так как мы не знакомы с языковой средой и культурой, которая обусловила возникновение данной идиомы или эвфемизма. Однако часто в разных языках одни и те же концепты эвфемизируются с помощью разных средств и имеют разную культурную историю.

Что касается бранных слов, то в ходе перевода было принято решение использовать менее яркие их варианты в русском языке, которые бы смотрелись более органично в целостном произведении. Это обусловлено меньшей резкостью английских выражений на фоне остального текста.

Дескриптивные методы выражения эмоций оказались самыми легкими для перевода, так как среди них процент совпадения коннотации в обоих языках оказался самым высоким. В некоторых случаях приходилось снижать эмоциональность текста из-за культурных различий, которые характеризовали элиту в русском языке как людей, которым не позволено говорить в тоне, позволенном в английском.

6. Согласно проведенному исследованию, частотность выражения радости англичанами гораздо выше, чем выражения отрицательных эмоций в других категориях. Это связано с консервативностью культуры и структурой высшего общества – даже несмотря на запрет яркой экспрессии в британской культуре все еще существует табуированность темы отрицательных чувств. При этом большая часть выражающих радость реплик, спокойные и вежливые – и в силу этого почти незаметны, так как слова теряют свою эмотивную нагрузку, становясь обыденной нормой этикета.

Злость, ярость и презрение – самые частотные из проявленных в речи эмоций. При этом чаще всего проявляется пассивная агрессия, замаскированная сарказмом или с использованием дескриптивов (прилагательных в данном случае): количество дескриптивов приближается к количеству самой большой группы, обозначений и названий.

Для радости и грусти количество отдельных выражений в речи превышает количество дескриптивных методов выражения эмоций. Эти эмоции самые базовые, а потому чаще всего встречаются и имеют самый обширный словарь синонимов.

Страх или беспокойство как эмоции редко выражаются в речи самого испытывающего страх или беспокойство. Чаще всего он подразумевается в словах говорящего, не имея определенной формы выражения, через невербальные средства коммуникации или логичность высказывания в определенной ситуации. Когда страх выражается эксплицитно, то чаще всего это происходит из уст персонажа в разговоре о другом персонаже, описывая его состояние. Также глагол «бояться» – «to be afraid» часто используется в формах вежливости, которые утратили свою первоначальную эмоциональную окраску.

Основой языковой компетенции можно назвать правильное толкование сказанного представителем иной культуры, коммуникативной компетенции – надлежащее использование и толкование элементов его коммуникативного поведения – знание слов, обычаев, традиций, менталитета, культуры, особенностей невербального общения. Для успешного и комфортного контакта с носителем отличной от коммуникатора требуется знать также и нормы выражения эмоций тем или иным народом, дабы обеспечить легкую передачу информации от одного собеседника к другому.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баграева, Т.П. Учись говорить по-английски / Т.П. Баграева – Курск, 1994 – 284 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1989. – 162 с.
3. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М., "Междунар. отношения", 1975. – 245 с.
4. Бобрышева, И.Е. Лакуны в спектре межкультурного общения / И. Е. Бобрышева // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории и коммуникации 3-6 июня 1991 г. – М.: ИЯ АН СССР, 1991. – с. 35 – 36.
5. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – Москва: Языки рус. культуры, 1999. – 621 с.
6. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Конструкция высказывания / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Литературная учеба. – № 3. – 1930. – с 65-69.
7. Гачев, Г. Д. О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // «Народы Азии и Африки» № 1 – 1967. – с. 77 – 92.
8. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
9. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М., 2001. – 76 с.
10. Ерофеев, Н.А. Туманный альбион. Англия и англичане глазами русских. / Н.А. Ерофеев. – Москва: Наука, 1982. – 256 с.
11. Жельвис, В.И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В. И. Жельвис // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – с. 136 – 146.
12. Иорданский, В. И. Этнос и нация / В. И. Иорданский // Мировая экономика и международные отношения. – № 3. – 1992. – с. 60-69.
13. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. / Ю.Н Караулов. Москва: Наука, 1987. – 264 с.
14. Карлейль, Т. Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
15. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 493 с.

16. Кулагина, Я. М., Кубанев, Н. А. Особенности британского национального характера / Я. М. Кулагина, Н. А. Кулагин // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 33. Часть I. – Новосибирск: СибАК, 2014 – с.100-106.
17. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М: Языки славянских культур, 2009. – 164 с.
18. Латышев Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001. – 278 с.
19. Леонтьев, А.А., Сорокин, А.Ю., Тарасов, Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. / А.А Леонтьев, А.Ю. Сорокин, Е.Ф. Тарасов – Москва: Наука, 1977. – 352 с.
20. Любимов, М. Гуляния с чеширским котом / М. Любимов. – СПб: Амфора/Эврика, 2001. – 334 с.
21. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Москва: Тетра Системс, 2004. – 266 с.
22. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: Пос. для студ. гум. вузов и уч-ся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
23. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика / В.С. Модестов. – М.: Изд-во Литературного института, 2006. – 464 с.
24. Овчинников, В. Н. Корни дуба / В. Н. Овчинников // «Новый мир». – №4. – 1979. – с. 216-227.
25. Ощепкова, В.В. Язык и культура Великобритании, США. Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336 с.
26. Павловская, А.В. Особенности национального характера, или За что англичане любят очереди / А. В. Павловская // Вокруг света. – № 6. – 2003. – с. 63-75.
27. Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – Москва: Флинта/Наука, 2006. – 193 с.
28. Солонович, Т. Ф. Коммуникативное поведение англичан в прагмалингвистическом освещении / Т. Ф. Солонович // Коммуникативные технологии в системе современных экономических отношений : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященный 75-летию БГЭУ, Минск, 1-2 февраля 2008 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус.

гос. экон. ун-т ; [редкол.: Е.А. Вильчицкая (пред.) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2008. – С. 77-78.

29. Стернин, И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. – с. 279-282.

30. Стернин, И. А. Ларина, Т. В. Стернина, М. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж, 2003. – 145 с.

31. Сухарев, В. А., Сухарев, М. В. Психология народов и наций / М. А. Сухарев, М. А. Сухарев. – Д.: Сталкер, 1997. – 400 с.

32. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово, 2003. – 146 с.

33. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения. / Н. И. Формановская. – М.: Высш. школа, 1989 – 292 с.

34. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 192 с.

35. Яковлева И.Н. Особенности перевода эмотивной лексики / И.Н.Яковлева // *Интерактивная наука* – № 2. – С. 127-129.

36. Barnes, J. Talking it Over / J. Barnes. – Jonathan Cape, 1991. – 278 p.

37. Briggs, J. L. Never in anger: Portrait of an Eskimo family. / J.L.Briggs. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

38. Cohen, D. Cultural variation: considerations and implications / D.Cohen // *Psychological Bulletin*, 127(4) – 2001, pp. 451-471.

39. Condon, J. C. Good neighbors: Communicating with the Mexicans. / J. C. Condon. – Yarmouth, ME: Intercultural Press Inc, 1987. – 292 p.

40. D'Andrade, R. G. A folk model of the mind. / R. G. D'Andrade // D. Holland, N Quinn (Eds.), *Cultural models in language and thought* (pp. 112–149). Cambridge, London: Cambridge University Press, 1992.

41. Duffy, E. Emotion: An example of the need for reorientation in psychology / E. Duffy. – Continuum, 1924.

42. Ekman, P. Emotions revealed: Recognizing faces and feelings to improve communication and emotional life / P. Ekman. – London: Weidenfeld and Nicolson, 2003.

43. Elliott, A., Chirkov, V., Kim, Y., Sheldon, K. A cross-cultural analysis of avoidance (relative to approach) personal goals. / A. Elliott, V. Chirko, Y. Kim, K. Sheldon // *Psychological Science*, 12 (2001), pp. 505–510.

44. Gendron M., Roberson D., Perceptions of emotion from facial expressions are not culturally universal: evidence from a remote culture. / M. Gendron, D. Roberson, J.M. van der Vyver, L.F. Barrett // *Emotion*. – 2014. – pp. 251-342.
45. Heine, S. J., Kitayama, S., Lehman, D. R., Takata, T., Ide, E., Leung, K., Matsumoto, D. Divergent consequences of success and failure in Japan and North America: an investigation of self-improving motivations and malleable selves. / S. J. Heine, S. Kitayama, D. R. Lehman, T. Takata, E. Ide, K. Leung, D. Matsumoto // *Journal of Personality and Social Psychology*, 81(4), 2001. – pp. 599–615.
46. Higgins, E., Shah, J., Friedman, R. J. Emotional responses to goal attainment: strength of regulatory focus as a moderator. / E. Higgins, J. Shah, R. J. Friedman. // *Journal of Personality and Social Psychology*, 72, 1997. – pp. 515-525.
47. Kitayama, S., Matsumoto, D., Markus, H. R., Norasakkunkit, V. Individual and collective processes in the construction of the self: self-enhancement in the US and self-criticism in Japan. / S. Kitayama, D. Matsumoto, H. R. Markus, V. Norasakkunkit // *Journal of Personality and Social Psychology*, 72(6), 1997. – pp. 1245–1267.
48. Lee, A. Y., Aaker, J. L., Gardner, W. L. The pleasures and pains of distinct self-construals: the role of interdependence in regulatory focus. / A. Y. Lee, J. L. Aaker, W. L. Gardner // *Journal of Personality and Social Psychology*, 78(6), 2000. – pp. 1122-1134.
49. Mesquita, B., Markus, H. R. Culture and emotion: models of agency as sources of cultural variation in emotion. / B. Mesquita, H. R. Markus // N. H. Frijda, A. S. R. Manstead, A. H. Fischer (Eds.), *Feelings and emotions: The Amsterdam symposium*, Cambridge, MA: Cambridge University Press.
50. Mesquita, B., Frijda, N. H., Scherer, K. R. Culture and emotion./ B. Mesquita, N. H. Frijda, K. R. Scherer // P. Dasen, T. S. Saraswathi (Eds.) *Handbook of cross-cultural psychology*, Vol. 2. Boston: Allyn and Bacon. – pp. 255–297.
51. Morling, B., Kitayama, S. Cultural differences in influencing the environment and adjusting to the environment: are there independent and collective styles of control. / B. Morling, S. Kitayama // Paper presented at the third conference of the Asian association of social psychology. Taipei, Taiwan. – 2001.
52. Schneider, K. *Small Talk: Analysing Phatic Discourse*, PhD thesis / K. Schneider. – Philipps-Universität, Marburg, W. Germany. – 1988.
53. Watson, J. *Behaviorism* / J. Watson. – Chicago: University of Chicago Press. – 1930.